

Т. М. АКимова

**НАРОДНЫЕ УДАЛЫЕ ПЕСНИ
В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА**

I

Соотношение творчества А. С. Пушкина с устной народной поэзией изучено достаточно глубоко и полно. И все же литературное наследие великого зачинателя русского реализма так емко и многообразно, что и в указанной области остаются еще не затронутые проблемы. В частности, мы имеем в виду отношение Пушкина к народным удалым песням и использование их поэтом в своем творчестве.

Гений Пушкина созрел, как известно, на национальной почве и питался в значительной мере народными соками, в том числе и поэтическим творчеством закрепощенных масс. С русским фольклором поэт знакомился и во время личного общения с народом, которое не прекращалось на протяжении всей жизни, а также через печатные источники; многие сборники песен были в его личной библиотеке. Творческое же освоение и осмысление народной поэзии на первоначальных этапах его писательского труда определилось романтическим направлением литературы в 20-ые годы XIX века.

Взгляды романтиков на фольклор отличались своей спецификой. Романтизм сложился в борьбе с господствующей идеологией феодализма, получившей завершение выражение в литературе классицизма. Романтизм выступил с протестом против феодализма и «узаконенной рабской субординации». Писатели-романтики требовали признания свободы и прав человеческой личности и утверждали в своих произведениях

особую ценность индивидуального в человеке¹ Индивидуализм героев этой литературы свободно перерастал в романтический эгоизм. Главным завоеванием романтизма было изображение мира чувств, особый романтический лиризм и субъективизм, которому был подчинен психологизированный пейзаж, а также экзотическая необычайность в окружающей героях среде. Стремление к народности, интерес к «местному колориту» обратили внимание романтиков к фольклору. Наиболее созвучными романтическому лиризму были народные песни и особенно песни удалые.

Мы называем удалыми те песни, которые большинством писателей и исследователей назывались обычно разбойничьи. Однако следует избежать ошибки, нередко возникавшей при толковании фольклора об удальцах, то есть несправедливо судить о самом предмете по названию. В фольклоре есть немало произведений, герои которых характеризуются как разбойники и осуждаются народом. Проблематика удалых песен совершенно иная. Они посвящены самым современным и актуальным общественным вопросам последней стадии крепостничества — требованию свободы, и прежде всего личной свободы. Вот почему в них звучит признание героев, ставшее постоянной песенной формулой:

Мы не воры, не разбойники...

Песенные удальцы возмущены тем, что их так называют. А между тем в эпоху феодализма всякого, выступившего против закона, называли «вором», а всякого беглого принимали за разбойника.

Удалые песни идейно и художественно близко соприкасаются с песнями о Степане Разине. Они сложились в одних и тех же, примерно, социально-исторических условиях и отразили одни и те же общественные настроения народа, характерные для мятежного «бунтарского» XVII века. Удалые песни отличаются от разинских отсутствием конкретного историзма. Они отражают типические явления не одного исторического периода, а более длительного времени, точнее, всей последней стадии крепостничества. Процесс сложения сюже-

¹ Главные черты романтизма указаны в соответствии с характеристикой этого литературного направления, данной проф. А. П. Скафтымовым в статье «К постановке вопроса о романтизме Пушкина». — «Ежегодник Саратовского ун-та, филологический факультет», 1958, № 11.

тов этого цикла продолжался до самой реформы. В удалых песнях выражался народный порыв к воле «от тесноты и духоты на простор и приволье души», что было своеобразным протестом против порабощения человеческой личности. Выраженное больше эмоционально, чем идейно, это протестующее содержание углублялось с течением времени.

В удалых песнях многое было созвучно поэтам-романтикам. Человеческая личность, как главное содержание; удальство, как проявление сильного характера и способность порвать с рутинной и тяготами жизни; разлад героя с феодальными законами и бесплодный порыв к воле, выраженный то как мечта о ней, то как открытое бунтарское возмущение; а вместе с тем трагедия человека, пострадавшего в неравной борьбе, но не сломленного, — все в содержании удалых песен привлекало романтиков. Литература 20-х и 30-х годов XIX века буквально насыщена мотивами удалых народных песен.

Приведем для образца только один пример: в содержании программного альманаха романтиков «Полярная звезда», издававшегося декабристами А. Бестужевым и Рылеевым. В четырех книжках, вышедших в течение 1822—1825 г.г. (считая с альманахом «Звездочка», продолжавшим «Полярную звезду»), было напечатано много произведений, так или иначе соприкасавшихся идейно-тематически с удалыми песнями и использовавших их традиции. При большой общности в этих произведениях было много и различного, объясняемого различием авторских трактовок избранной темы.

Самым «романтическим», если можно так сказать, является отрывок поэмы Н. Языкова «Разбойники», помещенный в третьей книжке «Полярной звезды». Поэт был очень хорошо знаком с народной песней, в том числе и с песнями волжскими удалыми. Записи семьи Языковых — лучшие образцы вольнолюбивой удалой и антикрепостнической лирики в собрании Киреевского. Языковым принадлежит замечательная уникальная запись песни о Пугачеве¹. (По-видимому, собиранием волжского фольклора Языковы занялись несколько позже). Использовал ли поэт удалые песни при создании поэмы? И что он мог из них заимствовать?

Языков рисует волжских удальцов. Но в удальстве он видит героике необузданных страстей, слияние человека с бушующими стихиями природы, наводящими ужас на окружаю-

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 9, М., 1872, стр. 248.

щих. Поэтизация сильной личности, стоящей над серой толпой, составляет главное содержание поэмы. Это содержание было своеобразным выражением бунта против порабощающего человека феодального строя, что выражено в поэме, в виде своеобразного литературного манифеста, то есть отвлеченно, без прямой опоры на конкретные явления действительности. Поэма лишена социальности, что характерно для романтизма, но совсем не показательно для удалых народных песен. Сходство с удалыми песнями заключено в устремленности героев поэмы к свободе. Но герои удалых песен родственны народному коллективу, герои Языкова — чужды ему. Трудно усмотреть народность в проблематике и в героях этого произведения.

Другого содержания отрывок поэмы Пушкина, носящей почти такое же название и напечатанного в той же третьей книжке «Полярной звезды». «Братья-разбойники» Пушкина построены, несомненно, на традициях удалых песен Первоначальный замысел поэмы сюжетно совпадал с народной удадой песней. Но не только это обстоятельство определило ее народность. Разбойники Пушкина так же порвали со средой, как и герои Языкова, но этот разрыв приносит им не только буйную радость свободы. Сознание того, что разрыв с бытовым феодальным укладом совершен путем уступок совести, приносит героям Пушкина страдание, составляющее главный драматический конфликт поэмы. Характер героев и одновременно содержание поэмы углубляется еще и тем, что выступление против своей среды и феодальных норм общественной морали было у братьев-разбойников в значительной мере вынужденным ответом на помещичье угнетение. Все это сильно отличает поэму Пушкина от поэмы Языкова, герои которого показаны более односторонне, в индивидуалистическом порыве к буйной воле. Герои Пушкина гораздо ближе к народным удалцам, которые показаны чаще всего в минуту размышления над моральным смыслом своей деятельности, сомнением в ее справедливости, хотя они и не могут признать полностью своей вины перед обществом. Близость Пушкинской поэмы к фольклору по идейному содержанию, гуманистическая ее направленность понятны народу. Показательно, что поэма вошла в фольклор, и народ принял ее на правах родст-

венного по духу произведения, чему не помешала романтическая гиперболичность характеров¹.

К той же тематической группе произведений следует отнести и три повести А. Бестужева, помещенных в первой и третьей книжках «Полярной звезды» и в альманахе «Звездочка» («Роман и Ольга», «Изменник», «Кровь за кровь») Бестужев толкует удалство и разбойничество совсем иначе, чем Пушкин и Языков. Он показал разбойничество как характерное для средневековья явление, одинаково свойственное и крестьянам, и феодалам, и этим последним даже в большей степени. В повести «Кровь за кровь» он нарисовал грабительские набеги крупных феодалов на своих соседей, действительно, обычные в то время. Своеволие страстей, жестокость в обращении с крестьянами и одновременно вовлечение их в грабительские предприятия,— все это было типично для феодализма. Многие наши лучшие писатели не раз обращались к изображению подобных явлений, например, Радищев, Нарезный, Пушкин. Бестужев решает эту тему с романтическими преувеличениями, контрастами и стиливыми излишествами.

В повести «Роман и Ольга» писатель значительно больше, чем в повести «Кровь за кровь» (позже названной «Замок Эйзен») опирается на фольклорные традиции и в том числе на народные удалые песни. Образ благородного разбойника— Беркута создан им в типично декабристском духе. Беркут становится разбойником, потеряв возможности легальных форм борьбы за политическую свободу родины. Глава повести, посвященная рассказу о Беркуте, сопровождается эпиграфом в виде цитаты из популярнейшей в то время удалой народной песни «Не шуми, мати, зеленая дубровушка». Бестужев дает эту цитату в собственном стихотворном переложении. Образ Беркута, несомненно, создан по мотивам своеобразно понятых удалых песен. Беркут близок песенным удалцам чувством независимости, смелости, неким благородством и страстным стихийным порывом к воле. Но борьба Беркута направлена не против личного и социального гнета, что характерно для удалых песен. В образе Беркута воплощен идеал декабристов, рисовавшийся в чертах новгородской политической утопии. В удалых же песнях отражался

¹ Поэма Пушкина большими кусками текста включается в народную драму «Людна».

народный идеал личной и социальной свободы, каким он рисовался поработанному крестьянству в современных условиях. Вот почему Беркут и по своей социальной принадлежности отличается от «детинушки крестьянского сына» из народной песни «Дубровушки». Повесть «Роман и Ольга», — это программное произведение декабристской литературы, выполняло ту же задачу, что и рылеевские думы «возбуждать доблести сограждан подвигами предков». Этой задаче было подчинено то переосмысление, какому подверглась использованная автором народная песня.

В альманахе «Звездочка» помещена еще одна повесть, посвященная «бунтарской», «разбойничьей», «удалой» тематике, — это «Гайдамак» О. Сомова.

Образ украинского повстанца, организатора крестьян на борьбу с помещиками, получил в романтической и в том числе декабристской литературе неоднократное и разнообразное воплощение в различных жанрах. Напомним поэму Рылеева, стихотворение Ф. Глинки и колоритную повесть Нарезного.

Рисуя украинского бунтаря, Сомов главное внимание уделил не протестующей черте характера героя; он поставил перед собою задачу решить не столько современную общественную тему, сколько тему этнографическую. По собственному признанию, он хотел «собрать сколько можно преданий и поверий, распространенных между простым народом, дабы они вовсе не были потеряны для будущих археологов и поэтов»¹. Сомов, действительно, широко использовал народные предания, но не сумел выразить народный взгляд на изображенное явление с нужной силой и убежденностью, устремив творческое внимание в сторону от главной темы.

Иначе нарисовал гайдамака Гаркушу Нарезный. Роман того же названия не был напечатан при жизни автора, да и значительно позже опубликование его было невозможно по цензурным условиям. Оставаясь на романтических позициях и рисуя романтического героя, Нарезный в своем произведении с такой силой обличал крепостничество и дал такое отчетливое объяснение происхождения повстанчества, разбойничества и вообще стихийного протеста народа, что сумел в значительной степени избежать романтической односторонности в сюжете и в характере героя.

¹ «Невский альманах на 1830 год», стр. 151.

В том же 1825 году, как повесть Сомова и роман Нарезного, был написан и опубликован «Гайдамак» Рылеева¹. Образ этого героя, созданного также на фольклорной основе (главным образом, украинских и русских народных песен), ближе всего к романтическим разбойникам Языкова и к Беркуту А. Бестужева. Он также исключителен, его страсти также необузданы и сильны, и также он находит упоение в вихре боя. Он весь в движении, в порыве. Вместе с тем он так же, как герои Языкова, отчужден от окружающих. Но в противоположность им, он все свои силы направляет к единой, хорошо осознанной цели — к борьбе за свободу родины. И этим он сближается с Беркутом Бестужева.

Остальных произведений, сходных по проблематике или образам героев с народными удалыми песнями, мы не будем касаться. Упомянутые нами достаточно отчетливо характеризуют разнообразные поиски передовых писателей для создания образа романтического героя — народного бунтаря и одновременно жертву феодального строя, политического борца и разбойника. Различие героических характеров главных персонажей, как и сюжетного содержания произведений, определялось несходством политических взглядов авторов, их литературными позициями, а также неоднородными привлеченными источниками и одновременно неодинаковым пониманием использованных фольклорных материалов, в том числе и удалых песен. Сопоставление показывает, насколько глубже проник в стихию народной песни, в ее содержание Пушкин. Поэма Пушкина романтична, как и все другие произведения, но она более народна и отличается более глубоким пониманием того фольклора, традиции которого вооружали в той или иной степени всех авторов. Вместе с тем, в отличие от всех остальных произведений, поэма Пушкина более современна и более гуманистична, и это ее сближает также с народными песнями.

Следует указать, что в «Полярной звезде» совсем не было помещено произведений, необычайно широко распространенных в начале XIX века, в которых изображались подлинные разбойники и разбойничество в авантюрно-занимательном мещанском вкусе. Бестужев решительно отвергал эту лубочную литературу. В обзоре за 1823 год он писал «Лишь пе

¹ «Соревнователь просвещения и благотворения», 1825, № 4, стр. 96—104.

чатные промышленники гискали вторым и третьим изданием сонники и разбойничьи романы для домашнего обихода в провинциях» Писатели «Полярной звезды» видели в распространенном явлении народной жизни протест, вызванный политическим или социальным гнетом и порабощением индивидуальной личности.

2

Народные песни об удалцах в 20-ые годы исследователи относили к разинским Известны варианты удалых песен, опубликованные писателями того времени, герои в них называют себя разинцами или «разинскими помощничками»¹

В течение 20-ых годов образ Разина в его бунтарском содержании занимал поэтическое воображение Пушкина. В 1826 году поэт создал три песни о Разине в народном стиле В 1824 году он писал брату из Михайловского, прося его прислать «историческое, сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории»². В том же году он, по-видимому, прочитал предания о Разине, которые были записаны современником крестьянской войны XVII века Стрюйсом, а в 1824 году опубликованы А. Корниловичем в «Северном архиве»³. Известны были Пушкину и другие исторические материалы⁴. Образ Разина привлек поэта тем поэтическим ореолом, каким окружило его народное предание еще в период его деятельности. Пушкин глубоко проник в своеобразное слияние исторической («сухой») фактичности с легендарной поэтичностью образа, характерной для народной интерпретации героя, и, сохранив это сочетание, создал песни, близкие к народным произведениям.

В период создания песен о Степане Разине Пушкин углубил свою концепцию народности литературы. Он пошел значительно дальше того, что дал в «Братьях-разбойниках», как в освоении народного взгляда на героя и события, так и в соз-

¹ «Московский вестник», ч IX, 1828, № 10 (запись Н Г Цыганова), Там же, ч. V, 1830, стр. 127 (запись В Пассек) и др.

² Первая половина ноября 1824 года

³ А. Корнилович ч. Голландец Ян Янсен Стрейс — «Северный архив», 1824, № 7, стр. 30.

⁴ Детальный анализ источников песен о Степане Разине дан в кн Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина Изд-во АН СССР, 1950, стр 515—530.

дании системы народно-песенного языка и фольклорного стиля.

Нельзя все же не отметить и значительных отличий песен Пушкина от песенного фольклора разинского цикла, в котором далеко не все совпадает с исторической легендарностью образа. В народных песнях о Степане Разине, которые были хорошо известны Пушкину в публикации Чулкова, а также в прекрасных собственных записях двух сюжетов, присутствуют легендарные мотивы (признание неуязвимости героя и его чародейство) возникшие еще при жизни Разина. Во всем остальном разинские фольклорные песни гораздо историчнее пушкинских и, что особенно важно, в них гораздо сильнее выражена социальная идея. В народных песнях Разин собирает вокруг себя голытьбу, он расправляется с астраханским воеводой; в народном цикле гораздо отчетливее показана связь вождя со своими сподвижниками и организованной им массой повстанцев. Д. Д. Благой в монографии о Пушкине признал песни о Степане Разине важным этапом во всем его творчестве, этапом не только параллельным, но по-своему и аналогичным «Евгению Онегину». «От «Братьев-разбойников», где «разбойничья» тема разрабатывалась еще в весьма далеком от действительности, отвлеченно романтическом духе, восходит он к своим песням о Разине, исполненным и особого героического реализма, и подлинной народности»¹. Бесспорно, Пушкин достиг в разинских песнях значительной народности, но нельзя согласиться с тем, что в них поэт достиг и подлинного реализма. Представляется спорным утверждение, что в «Братьях-разбойниках» «разбойничья» тема решена в более далеком от действительности плане, чем в песнях о Разине. Поэма Пушкина при всей ее романтичности была гораздо менее далека от современной поэту действительности, чем произведения той же тематики других поэтов-романтиков. Поэма Пушкина и песни о Разине, на наш взгляд, гораздо меньше различаются, чем это признает Д. Д. Благой. Песни Пушкина о Разине так же, как и поэма, романтичны и по тематике, и по изображению героя, и по всей образной системе. Пушкинский Разин рвется к буре, ему сродни дикая стихия природы. Таков он в песне «То не конский топ». Таков в песне «Как по Волге реке по широкой» Герой необычайных сил и

¹ Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина, стр. 531.

необыкновенной воли, он выше толпы. И такая романтическая его трактовка частично восходит к народным традициям, к постоянной идеализации этого образа народными песнями. Но у Пушкина эта идеализация доведена до романтической гиперболизации.

Источником песен Пушкина о Степане Разине послужили народные слухи и легенды, зафиксированные в литературе, а не исторические песни. Если же сравнить песни Пушкина с народными, то они ближе к удалым, чем к разинским историческим. Песня «То не конский топ» перекликается с «Разбойниками» Языкова, в ней изображено стихийное бунтарство буйной воли и неукротимых сил человека. Разин назван здесь разбойником.

Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буян...

Конец песни «То не конский топ» может быть сопоставлен с последними стихами удалой песни «Ах, туманы», известной по записи Цыганова. В том и другом произведениях последние три стиха выражают в гиперболизированной форме народные идеалы богатства и счастья. У Пушкина буря обещает Разину пригнать три корабля:

На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-девица.

Те же идеалы удальцов и в народной песне:

Мы веслом махнем — корабль возьмем,
Кистенем махнем — караван собьем,
Мы рукой махнем — возьмем девицу.

Разин Пушкина близок к героям удалой песни и по восприятию природы, по особой близости к ней.

Но все же пушкинский герой значительно отличается от народных удальцов. Разин Пушкина романтичен, в его личности заключен весь мир. Его мощный облик слит со стихиями природы. Все это не только далеко от реализма, но отличается и от народных песен. Разин и удальцы фольклора тоже тесно связаны с жизнью природы, но это реальные и вполне понятные связи: они живут в окружении природы и зависят от нее. И еще одно отличает песни Пушкина от народных. Удалые и разинские народные песни полностью лишены любовно-романической тематики. Серьезные общественно-политиче-

ские темы этого фольклора не сочетаются с изображением личной интимной жизни героев. В песнях Пушкина присутствует эта тема. Песни Пушкина о Стеньке Разине, как видно, еще не свидетельствуют, о достижении поэтом «подлинной народности и подлинного реализма»

Но романтизм песен Пушкина значительно отличается от романтизма других писателей и от их метода использования фольклора. Сравнительно с Бестужевым, Рылеевым, Ф. Глинкой и другими Пушкин более историчен и более демократичен. В песне «Ходил Стенька Разин во Астрахань-город» в полном соответствии с народными песнями показана классовая борьба и социальный характер разинского бунтарства

Не все современники сумели осознать величайшее значение той борьбы за народность литературы, какую вел Пушкин в теоретических высказываниях и в своей собственной художественной практике. Даже «Московский телеграф» Н. Полевого, который, по словам Белинского, сделался для своего времени «лучшим журналом в России от начала журналистики», не сумел оценить народность поэтического творчества Пушкина и его прогрессивного и реалистического понимания фольклора. В сатирическом приложении к журналу («Новый живописец общества и литературы») была осмеяна якобы ложная простонародность творчества поэта в его произведениях крестьянской и фольклорной тематики. Сатирическая сценка называлась «Зимний вечер». В ней пародировалось не только прекрасное стихотворение Пушкина того же названия, но и высмеивались песни Пушкина о Степане Разине

Песни о Степане Разине были напечатаны значительно позже смерти поэта. Но они, по-видимому, были известны и при его жизни. М. Погодин в воспоминаниях о Пушкине говорит, что после возвращения из ссылки в Москву, в октябре 1826 года, поэт у Веневитиновых читал трагедию «Борис Годунов» и «Песни о Стеньке Разине»¹.

На песню «Как по Волге реке, по широкой» и намекает автор пародии «Зимний вечер» в следующих стихах:

Полно, дядька мой, вставай-ка,
Скучно, брат, с тобою нам
Где гудок, где балалайка?

¹ М. П. Погодин Из воспоминаний о Пушкине «Русский архив» 1865, № 20, стр. 97

Спой мне песенку лесов
Страшных, Муромских, дремучих;
Спой, как вглубь речных валов,
Размахнувшись с плеч могучих,
Бросил деву-красоту
Атаман лихой удалый...¹

Для доказательства мысли о несоответствии литературных подражаний подлинному фольклору автор пародии приводит два параллельных текста: известную удалую песню «Не шуми, мати, зеленая дубровушка», неоднократно цитировавшуюся в оригинальном виде и в переложениях в произведениях 20-ых г.г., и рядом с ней стилизацию в утрированно романтическом виде. Пародия осмеивала поэтизацию идеализированного образа разбойника и злодейства, якобы присущие народной песне и оправданные литературными стилизациями.

Умолкни, дикая дуброва,
Дай мне подумать, погадать!
Завтра казнь моя готова,
Мечу булатному сверкать
Над юной, буйной головою,
И палачи мои толпою
Меня у плахи будут ждать!

Сам Грозный Иоанн предстанет
В толпе опричных и стрельцов
И роковым мне словом грянет:
«Скажи мне, выродок рабов,
Открой мне смелые заветы:
Вещай мне, кто твои клеветы,
Сыны убийства и оков?»

— Узнай, — скажу ему я смело, —
Ты четверых моих друзей:
Я шел на удалое дело
Под кровом сумрачных ночей,
Они вели меня к разбою
И к неге с девой-красотою
Среди украинских полей.

¹ «Новый живописец общества и литературы». 1830, № 8, апрель, стр. 136.

Булатный нож служил мне верно,
А конь был третьим другом мне,
Когда свободный по безмерной
Бродил я волжской стороне,
И были у меня лихие
Летуны стрелы каленые,
Друзья и днем, и при луне

Ответом смелым изумленный,
Привыкший к шепоту рабов,
Царь вспыхнет гневом: «Раб презренный!
Узнай награду дерзких слов.
Для головы — топор готовый,
Для тела — крепкий столб дубовый
Дарю тебе взамен оков»¹

Народный текст озаглавлен «Старинная русская песня»
Текст, литературно переложенный, обозначен таким образом
«Та же песня, только в душегрейке новейшего уныния». Это
ироническое название автор пародии взял из годового обзора
русской литературы И. Киреевского, напечатанного в альма-
нахе «Денница» на 1830 год² Киреевский высмеял такой
остротой русские песни Дельвига, который, по его словам, на
свою греческую музу «накинул душегрейку новейшего уны-
ния».

Пушкин в набросках опровержения своим критикам пи-
сал по поводу этой остроты. Выражение Киреевского, говорит
он, «конечно смешное ...Журналисты наши обрадовались,
подхватили эту душегрейку, разорвали на мелкие лоскутки и
вот уже год, как ими щеголяют, стараясь насмешить свою
публику. Положим, все та же шутка каждый раз им удается,
но какая им от того прибыль? Публике почти дела нет до ли-

¹ «Новый живописец общества и литературы» 1830 № 8, ап-
рель, стр. 136—142.

² И Киреевский Обозрение русской словесности за 1829
год — «Денница», альманах на 1830 год, издаваемый М. Максимови-
чем, М., 1830

тературы, а малое число любителей верит, наконец, не шутке, беспрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнениям здравой критики и беспристрастия»¹

Грубая пародия «Московского телеграфа» не могла задеть Пушкина. Ее автор не понимал той громадной роли, какую играл поэт в деле сближения народной поэзии с литературой, не понимал и того, что ему нужно было использовать фольклор не как сырой материал для своих поэтических построений, а для того, чтобы самую литературу направить к народу, а народное искусство в его идейной и художественной сущности поднять до значения передовой литературы. Если в 20-ые годы Пушкин, используя народные тексты, сохранял их содержание и менял только стиль и язык, то в 30-е годы он следовал этому правилу еще более строго.

Пародия «Нового живописца» имела в виду не только

¹ А. С. Пушкин Полное собрание сочинений Т VII Изд-во АН СССР, 1949, стр 178—179. Пародия Феокритова могла представить некоторый интерес только для литераторов, но никак не для широких кругов читателей. В этой связи не может не вызвать удивление то обстоятельство, что цитата из пародии на народную песню «Дубровушка» попала в фольклор в народную драму о царе Максимилиане. Песню Феокритова поет сын Максимилиана Адольф после того, как его изгоняют в пустыню. (См текст опубликованный П. Н. Берковым в сб Русский фольклор, т IV, 1959, стр 345). П. Н. Берков определил опубликованную им драму как принадлежащую матросскому театру. Это определение следует уточнить составителем опубликованного П. Н. Берковым текста, контаминированного из нескольких народных пьес, был несомненно, грамотный человек, снабдивший драму большим количеством цитат из литературных произведений. Вставные номера из литературы вообще характерны для народных драм. Но опубликованный П. Н. Берковым текст отличается тем, что включенные в него стихи, песни и т. п. довольно редкие, впервые встречающиеся в драме о Максимилиане. Здесь есть и слова из трагедии А. П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец», и выдержки из стихотворения И. И. Дмитриева «Ермак», из повести А. Ф. Вельтмана «Муромские леса», а также другие литературные песни и романсы. В таком окружении цитата из приложения к «Московскому телеграфу» не может вызвать удивления. Она не может свидетельствовать об известности пародии в народных массах.

Пушкина, но и Дельвига¹, а, может быть, даже и Бестужева. Вероятно, против русских песен Дельвига направлены стихи.

Теперь чухонец красоту
Преданий русских понимает,
Поет нам, по мосту, мосту
И сарафан наш надевает
И не к лицу ль такой наряд,
Кто сам чухна, а грек душою,
Но с русской музою простою
Плясать и петь умеет в лад.

Стихи из перелицованной «Дубровушки» намекают на стихи Бестужева. В пародии

И были у меня лихие
Летуны стрелы каленые

Эти стихи являются дословным повторением эпитафии в главе о Беркуте в повести Бестужева «Роман и Ольга».

Мои гонцы неподкупные
Летуны стрелы каленые

Но не только это совпадение, а весь романтический стиль литературно обработанной песни скорее направлен против Бестужева, чем против Пушкина и его «Зимнего вечера», слишком романтичен пародийный текст «Дубровушки», особенно ее язык. Здесь и «роковое слово», и такие сильные выражения, как «выродок рабов», «раб презренный», и уже не народная «мати, зеленая дубровушка», а внушающая ужас «дикая дуброва» и, наконец, типичное противопоставление всей этой нарочитой силе и грубости слов и действий героя, мечтам о «неге с девою красотою». Пародия осуждала внешнюю подражательность народной поэзии, почему она и оказалась бесцельной, как показал в своих замечаниях Пушкин.

¹ В 32-ой части «Московского телеграфа» за тот же 1830 год было помещено опровержение критики, в которой высказывалось возмущение пародированием стихотворений Пушкина. Автор опровержения говорит, что издатели журнала «до сих пор еще не заметили тех сторон, которые могли бы отразиться в зеркале насмешки». «Для пародий надобна какая-нибудь странность, нелепость, что-либо смешное, составляющее главный характер пародируемого автора, тогда его завербуют насмешники. А что г. Возглашатель находит странного, нелепого или смешного в стихотворениях Пушкина?» (стр. 241). Однако эта попытка самооправдания не меняет дела, и стихотворение Феофанова «Зимний вечер» нельзя не признать пародией. В 1825 г. дана высокая оценка русским песням Дельвига (См. «Моск. телеграф», т. 1, 1825, стр. 330. Критич. отд. журн. ведал Вяземский).

Сатира была больше по поэтам-романтикам. Однако не приходится сомневаться в том, что издатель «Московского телеграфа» имел в виду и Пушкина, которого он обвинял «в аристократизме». Вместе с тем, песни о вожде крестьянского возмущения не могли быть признаны Н. Полевым в силу его монархических взглядов. Все это и помешало «Московскому телеграфу» осознать глубокую прогрессивность народности, достигнутой Пушкиным в его разинских песнях. Н. Полевой и позже не сумел оценить подлинной народности таких шедевров, как «Узник», «Бесы», «Зимний вечер», поэмы «Цыганы» и других. В рецензии 1832 года на третью часть сочинений Пушкина критик писал:

«...Это нарядный, блестящий и умный светский человек, обладающий необыкновенным даром стихотворения»¹. Замечательного завоевания Пушкиным народности литературы не только в общенациональном, но и в глубоко демократическом смысле, Полевой не понял. Это обстоятельство свидетельствует не только о значительной ограниченности взглядов Полевого, но и о том, что Пушкин в конце 20-ых годов далеко опередил своих современников в этом вопросе и словом и делом.

Не лишне упомянуть и о том, что стихотворение «Зимний вечер», высмеянное в пародии «Нового живописца» и не оцененное критиком в его народном содержании, было принято самим народом и стало широко известной песней, вошедшей в фольклорный репертуар. Передовое же революционизирующее значение разинских песен острее почувствовал Бенкендорф, запретив их опубликование в печати.

3

К концу 20-х годов в передовой критике обозначилось стремление уточнить понятие народности литературы. Главная заслуга в этом принадлежит Пушкину. В статье 1826 года великий поэт признал, что для определения национального своеобразия литературы недостаточно таких признаков, как «выбор предметов из отечественной истории» и отказ от подражания иноземным образцам. Возражения его были направлены против положений романтиков. Пушкин выдвигает в качестве определяющего признака народности своеобразие национального характера, отраженного в поэзии каждого народа, что зависит от климата, образа правления, веры и

¹ «Московский телеграф», ч. XVIII, 1832, стр. 570.

т д К таким своеобразным чертам он относит образ мыслей и чувствований, тьму поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу¹ Кроме того, важнейшей и обязательной особенностью национальности литературы он считает народность языка²

В 30-ые годы разбойничья тематика продолжала заполнять не только лубочную массовую литературу, но и беллетристику среднего художественного уровня Показателем альманах «Денница», считавшийся лучшим в те годы Вся проза этого издания посвящена разбойничьей теме В повестях альманаха рассказывалось об авантюрных приключениях, полных ужаса, крови и злодейств³ В них не было ничего общего с произведениями декабристов Пушкин писал в статье 1836 года, что такие темы «всегда занимали любопытство не только детей, но и взрослых ребят, а рассказчики и стихотворцы исстари пользовались этой склонностью души нашей»⁴ Но Пушкин противопоставлял такой беллетристике подлинно художественную литературу, решавшую серьезные вопросы на том же, казалось бы, материале «Вопреки мнению г Лобанова,—говорит он в той же статье,—мы не думаем, чтоб нынешние писатели представляли разбойников и палачей в образец для подражания Шиллер сочинил своих «Разбойников», вероятно, не с тою целью, чтоб молодых людей вызвать из университетов на большие дороги».

В 30-ые годы Пушкин полностью отошел от романтизма Иным стало и его понимание фольклора Он сам записывал песни и сказки Ему были известны и такие сюжеты, в которых сатирически и притом с позиций крепостного крестьянства осмыслялись отрицательные явления современной общественной жизни Ему принадлежит одна из первых записей песни об Аракчееве, народных песен о Степане Разине, показательные его собственные произведения «Сказка о попе и работнике его Балде» и другие Народное творчество интересовало Пушкина не только как отражение сознания крестьян-

¹ А С Пушкин Полн собр соч Т VII стр 39—40

² Там же, стр. 27

³ «Денница» — Альманах на 1830 год М, 1830, Норфирин Байский, Ночлег гайдамаков, Н Полевой Сохатый, М Погосдин Психологическое явление, В Пушкин Капитан Храбров В П-в Наталья и др

⁴ А С Пушкин Полн собр соч Т VII, стр 404

ских масс в далеком прошлом, но как выражение современных ему общественных настроений народа. После «Руслана и Людмилы» и «Братьев-разбойников» поэт полностью отходит от романтически неопределенной трактовки народной поэзии как искусства общенационального, относящегося к далекой старине.

Содержание удалых песен привлекало внимание Пушкина на протяжении всего его творчества: после собственных записей народных песен о Разине и работы над переводом семи удалых песен на французский язык поэт обратился к ним в период работы над произведениями о крестьянской войне XVIII века. Есть основание предполагать, что Пушкин в удалых и разинских песнях видел общее содержание¹. И в этом отношении он не отступал от современной ему народной трактовки разинского фольклора, видя в нем прежде всего отражение бунтарских вольнолюбивых настроений народа, а не только рассказ о конкретных событиях истории.

Пушкин знал удалые песни в том объеме и разнообразии, как они даны в собрании Чулкова-Новикова: Известно, что оба издания были в личной библиотеке поэта². Тексты из этих книг он переводил на французский язык³. Из Новиковского же сборника взяты поэтом песенные цитаты и эпитафии к повести «Капитанская дочка»⁴. Широта осведомленности Пушкина в области фольклора об удалцах и о Разине была, несомненно, большей, чем у других писателей, современных ему или предшествующего времени. Но Пушкина отличает еще и более передовое политическое мировоззрение и, кроме того, реалистический метод творчества, что привело его в 30-е годы к более глубокому пониманию фольклора об удалцах и разбойниках. Пушкин подошел к идейному смыслу удалых песен, соотнеся их содержание с фактами народной борьбы. Рылеев в «Гайдамаке» тоже изобразил героя народного восста-

¹ А. С. Пушкин. История Пугачева. — Полн. собр. соч. Т. VIII. 1949, стр. 350.

² Б. Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина. СПб., 1910

³ В. К. Архангельская. Источник народных песен, переведенных Пушкиным на французский язык. — «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 340; Н. Н. Трубицын. О русских народных песнях, переведенных Пушкиным на французский язык. Сб.: «Памяти Пушкина». СПб., 1900.

⁴ А. С. Орлов. Народные песни в «Капитанской дочке» Пушкина. — «Художественный фольклор», № II-III, 1927, стр. 80.

ния, хотя самого народа он и не показал. Но Пушкин в период написания «Капитанской дочки» полностью преодолел романтизм и, как писатель-реалист, далеко превзошел Рылеева в истолковании удалых песен и в их литературном освоении. Ему не был известен ни «Гаркуша» Нарезного, ни «Вадим» Лермонтова. Он одновременно с этими авторами увидел в удальстве отражение недостаточно осознанных протестующих настроений народа, он понял, что выраженные эмоционально в удалых песнях такие настроения способны вылиться в бурю возмущения, в массовые крестьянские восстания. Иначе говоря, он видел общее в фольклоре об удальцах, и о Разине, о Пугачеве — выражение антикрепостнических идей. Переключая этих тем видна в «Дубровском», в «Истории Пугачева», в «Капитанской дочке». Но названные произведения Пушкина, особенно последний исторический роман, отличаются от «Гаркуши» Нарезного и «Вадима» молодого Лермонтова не только силой и зрелостью таланта, но и глубоким проникновением в сознание закрепощенных масс, и реалистическим методом изображения народной войны.

Стремясь к правдивому показу крестьянского восстания, Пушкин совершенно иначе, чем Лермонтов и Нарезный, использует фольклор, помогавший ему точно обрисовать жизнь и мысли крестьянских масс. Он относится к народной поэзии, в том числе и к удалым песням, не как к сырому материалу, требующему литературной обработки, а как к полноценной поэзии, изменять которую автор не имеет права и произведения которой он включает в свой текст в оригинальном виде. Народная песня — выражение сознания народа, и она не может быть изменена. Такое отношение Пушкина-реалиста к фольклору прямо противоположно принципам поэтов-романтиков, которые каждому произведению, какие они использовали в своем творчестве, считали необходимым придать свой смысл.

Посвящая свой роман самому грозному событию из истории классово-борьбы в крепостническом обществе, Пушкин решал существенные проблемы современности, сталкивая социальные противоречия с общечеловеческими принципами морали и соотнося то и другое с личными интересами каждого участника. Он представил своих героев не только в их личной, общественной и политической жизни, но и с их духовными интересами и запросами, для чего он привлек большое количество цитат из литературы и фольклора разнообразного

держания В соответствии с поэтическим замыслом романа он отобрал фольклорные произведения разных социальных групп и прослоек. Впервые в литературе устное поэтическое творчество представлено не как единое в своей социальной сущности искусство, а как творчество различных слоев населения и различных идеологических систем.

Гринев изливает свои любовные чувства в литературном сентиментальном романсе XVIII века; Швабрин, чтобы унижить и оскорбить Машу перед Гриневым, цитирует мещанскую городскую песенку фривольного содержания. Семья Мироновых, близкая по своему бытовому укладу и духовному миру к простым крестьянским труженикам, близка к ним и поэтическим видением мира: на всем протяжении романа изображение этих героев сопровождается эпитафиями и цитатами из крестьянских лирических песен, причитаний, пословиц и поговорок. Обяз замечательного по преданности долгу, по человеческому достоинству капитана Миронова осмысливается не только всеми его словами и поступками, но и старинной песней служилых людей, приведенной в эпитафии. «Голова моя, головушка, голова послушливая». Быт нижних чинов крепостного гарнизона одушевлен подлинно солдатским поэтическим творчеством; в песне «Мы в фортеции живем» удивительно сочетаются добродушная, но едкая ирония над своим плачевным существованием с чувством настоящей преданности долгу и готовности жертвовать собой за родину. Такое сочетание типично для солдатских песен XVIII и XIX веков. Наконец, особый фольклор — пословицы религиозного содержания уснащают речь попадьи. Калмыцкая сказка дополняет осмысление образа Пугачева, его вольнолюбие, готовность бороться за свободу даже тогда, когда эта борьба не дает уверенности в победе. Калмыцкая сказка объясняет и вынужденное самозванство Пугачева.

Наибольшую же идейную нагрузку из фольклорных цитат несет удалая песня «Не шуми, мати, зеленая дубровушка», приведенная полностью в оригинальном виде и поставленная в центре романа. В песне прозвучал голос тех людей из крепостного крестьянства, которые самовольно и вопреки феодальным законам порвали со своей средой, бежали от рабства и угнетения, но вынуждены отвечать перед всемогущей феодальной властью. Такие беглецы составляли большую часть повстанческой армии.

Любимую песню Пугачева исполняют его сподвижники,

благодаря чему разбойник песни как бы уподобляется одному из них, включается в их среду. Это обстоятельство особенно поразило Гринева. Содержанием песни Пушкин выразил народный взгляд на восстание: признание его справедливости и неизбежности и одновременно сознание его бесперспективности в условиях крепостничества; смутное чувство социальной правоты удальцов и одновременно моральное осуждение. Все это, выраженное в песне эмоционально стихийно, и как бы только намеченное, развернуто в содержании всего романа, построенного на промадном фактическом материале.

Приведя полностью удалую песню, Пушкин соотнес ее идейно и тематически не только с образом вождя крестьянского восстания, но главным образом с его сподвижниками и рядовыми участниками. Вспомним великолепный образ Хлопуши. Бывший разбойник и государственный преступник Хлопуша полон своеобразной гуманности, честности и человеческого достоинства. Он возмущен жестокостью Белобородова, который требовал повесить Гринева. Хлопуше претит нарушение моральных принципов. Свои прошлые разбойничьи подвиги он не считает аморальными. Это были схватки с противником в открытом бою «на вольном перепутьи да в темном лесу, не дома сидя за печью; кистенем и обухом, а не бабьим наговором». «Конечно,— говорит он,— и я грешен, и эта рука... повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя...»¹. Нападения на проезжих на вольном перепутьи были с его точки зрения борьбой за существование, открытой борьбой с противником, а не жестокой расправой с добровольно пришедшим гостем, не способным на сопротивление.

Благородство и нравственное достоинство Хлопуши сближает его с героями удалых песен и с разбойником «Дубровушки». Белинский говорил о героях волжской вольницы: «Подвиги этих витязей такого рода никогда не были запечатлены ни зверством, ни жестокостью: они были удалы и молодцы, а не злодеи. Конечно, они не отличались и идеальным рыцарством; но можно ли было требовать рыцарства в те варварские времена, когда и войны походили на грабеж и разбой, когда само правосудие было свирепо и кровожадно»².

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. т. VI, стр. 502

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений т. V, Изд-во АН СССР, стр. 439.

Пушкин не считал себя в праве осуждать вспышку народного гнева и общего возмущения, видя в них следствие порочной социальной системы. Но он не принимал жестоких средств стихийной народной борьбы, признавая их антигуманными, неразумными и недейственными. Он с полным сочувствием изобразил народных борцов, тем же, как они рисовались и в фольклоре. Величайшей заслугой Пушкина было то, что он показал крестьянскую войну как закономерное и неизбежное явление крепостнического общества.

Реалистический роман Пушкина отличался от романтических повестей в том числе и «Гаркуши» Нарезного и «Вадима» Лермонтова. Пушкин своим романом доказал, что возмущение крестьян вызвано не только жестокостью отдельных помещиков и не злою природой восставших крестьян, якобы жаждавших удовлетвориться личной мстью своим притеснителям. Содержание «Капитанской дочки» помогает всесторонне выявить причины народной войны, ее историческую обусловленность, социальную справедливость и различное поведение в ней участников в зависимости от их социальной принадлежности, классового сознания, политических взглядов и особенностей индивидуального характера. Закономерность крестьянской войны доказывается тем, что в борющихся классовых лагерях Пушкин представил не законченных злодеев и не абсолютно положительных героев, но полноценные человеческие личности со свойственной каждой из них добропорядочностью и сочувствием к ближнему (исключение представляет только менее других удавшийся Пушкину образ Швабрина). Словом, не злая воля руководителя или масс, или помещиков были главной причиной войны, но вся система общественного устройства. В романе показаны и разные формы антикрепостнической борьбы, начиная с политического самозванства, стихийного восстания громадных масс закрепощенных крестьян и других угнетенных групп населения и кончая выступлением удальцов-разбойников, изображенных в «Дубровушке», людей, бежавших от помещичьего гнета.

Песня «Не шуми, мати, зеленая дубровушка» интересовала Пушкина давно. В «Дубровском» он упоминает ее, вкладывая в уста одного из участников шайки разбойников. Содержание песни составляло там бытовую деталь. В «Капитанской дочке» Пушкин привел полный текст песни, наталкивая читателя на заложенный в ней политический смысл.

Советские фольклористы, доверяя поэтической интуиции

поэта и его историческому чутью, определяют «Дубровушку» на основании трактовки ее в «Капитанской дочке» либо разинской, либо пугачевской песней¹.

В «Капитанской дочке» народная удалая песня органически слилась с повествовательной тканью произведения. Пушкинское понимание этой лирической песни и метод ее использования полемически направлены против метода писателей романтиков. В годы напряженной борьбы за народность литературы требовалось глубоко войти в народную поэзию, раскрыть ее идеи и определить их историческую и социальную обусловленность. Пушкин показал, что народная песня не отголосок прошлого, что содержание ее вполне современно феодальному обществу XIX века и сохраняет остроту своего смысла. Включив народную песню в свой роман, он дал возможность зазвучать с его страниц голосу самого народа. В тексте «Дубровушки» выразилось эмоциональное отношение народа к таким людям, какие пошли в армию Пугачева. И это народное отношение совпадало с оценками и суждениями автора романа. В истолковании фольклора о народных удалцах Пушкин проявил себя не только гениальным писателем-реалистом, но и глубоким мыслителем и передовым историком.

Герои «Капитанской дочки» коренным образом отличаются от романтических героев, гордых своею исключительностью. Пушкин перенес внимание на изображение рядового человека, сформировавшегося в определенных общественно-исторических условиях, в конкретно изображенной семейной среде и со своеобразным для каждого психологическим обликом. Его герои простые обыкновенные люди. Такого же обычного человека из народа он увидел в облике «детинушки крестьянского сына» из удалой народной песни. Он показал этого песенного героя как родственного сподвижникам Пугачева. Вложив в уста участников войны удалую песню «Дубровушка» и как бы объединив тем самым героя песни с пугачевцами, Пушкин в действиях разбойника видел социально обусловленное явление. Художественное постижение социальной сущности явлений действительности привело Пушкина к пониманию идейной и общественной дифференцированности фольклора. Белинский, пять лет спустя дал более отчетливые и уточненные формулировки в характеристике удалых песен.

¹ Л. С. Шептаев. Исторические песни — «Библиотека поэта», м. с. Л., 1951, стр. 282, 402; В. И. Чичеров. Исторические песни. — «Библиотека поэта», м. с. Л., 1956, стр. 201, 374.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Саратовский государственный педагогический
институт

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

В ы п у с к 2

(Материалы IV зональной конференции
литературоведов Поволжья)

С а р а т о в — 1968